

А. П. ЧЕХОВ

**ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

**РЕДАКЦИЯ, КОММЕНТАРИИ
БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
А. С. ГЛИНКИ-ВОЛЖСКОГО**

**ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
А. В. ЛУНАЧАРСКОГО**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»**

1934

КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

1

Антон Павлович Чехов родился в 1860 году 17 января, в эпоху падения крепостного права и формирования новой, буржуазной России, вырвавшейся из крепостной эпохи. «После 1861 года — говорит Ленин, — развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий свершились превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века». Вслед за Крымской войной, вскрывшей всю «гнилостность и бессилие крепостной России», последовала так называемая крестьянская реформа 19 февраля 1861 года. Она была вызвана к жизни силою экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма.

Чехов родился и рос в Таганроге, в стороне от крупных промышленных центров, в мещанской среде. Таганрог — портовый город, когда-то был одним из важнейших хлебных центров южной России, но в 1850-х годах, со времени обмеления порта, хлебная торговля здесь упала. Сюда-то в 1844 году переселился Павел Егорович Чехов. Он служил по конторской части в бакалейной лавке; брат его Митрофан имел собственную бакалейную торговлю. Отец их, дед писателя, Егор Михайлович Чех, происходя, по словам А. П., «из Воронежских недр, из Острогожского уезда», в молодости был крепостным крестьянином помещика Черткова (отца известного толстовца Вл. Черткова), но задолго до 1861 года откупил себя с семьей за три с половиной тысячи рублей и служил управляющим графского имения. Больших средств для семьи он не нажил, и П. Е. Чехов

пробивал себе дорогу сам. Начав жизнь работою прасола, он гонял скот в Харьков и Москву. Женившись в 1854 году на дочери купца-суконщика из Моршанска, Евгении Яковлевне Морозовой, П. Е. вскоре (1857 г.) завел в Таганроге собственную торговлю колониальными товарами. Семья росла, детей было шесть человек. Дети были способные, многие талантливые, а третий по счету, Антоша, оказался мальчиком изумительного дарования, но особенной яркостью и блеском оно не проступало в обстановке семьи. Да и не до талантов детей было тогда отцу писателя, хотя П. Е. не совсем был чужд искусства, любил поиграть на скрипке, читал Кольцова (Чехов, по словам брата, даже считал, что талант им «унаследован» от отца). Все его силы уходили на борьбу за собственный кусок, на добычу своей копейки. «Я родился, рос, учился и начал писать в среде, в которой деньги играют безобразно большую роль», — вспоминал потом Чехов (в письме к Суворину, 1888 г.). Торгашество отца втягивало и детей. Старший брат Чехова рассказывал, что «судьба в ранние годы жизни А. П.-ча заставляла его играть за прилавком роль мальчишка-лавочника». Антон, по словам брата, «был знаком в детстве со всеми приемами обмеривания, обвешивания и всякого торгового мелкого плутовства». Когда дети гостили у деда на графской мельнице, они, простаивая у паровика, считали пуды и фунты вымолоченного зерна. Во власти этой жадной копейки режим в семье Чеховых был самый суровый, старозаветный: муштра, угрозы, принудительные церковные службы и пение, о котором А. П. вспоминал

как о своем детском мученичестве, наконец побой. «Оплеухи, подзатыльники и порка были явлениями самыми обычными в обиходе Павла Егоровича,—вспоминал брат Чехова,—дети боялись отца пуще огня». Мальчик Чехов учился сначала в греческой церковной школе (с 1867 г.), затем в местной классической гимназии (с 1869 г.). Учился «неважно», «за сочинения по русскому языку дальше тройки не шел», «товарищи, все без исключения, любили Чехова, хотя ни с кем он особенно не сближался» (воспоминания школьного товарища Кукушкина). Забавами его были рыбная ловля, веселые проделки, комические рассказы, спектакли. Рано сказалась любовь к театру. Таганрогский театр Чехов гимназистом посещал при всякой возможности. Но много сил брали учеба, обязательное церковное пение, отцовская лавка, от которой А. П. освободился только в последних классах гимназии, когда отец, из-за плохих дел, закрыл в 1876 году свою торговлю и переехал в Москву, где уже учились старшие его сыновья. А. П. оставили доканчивать гимназию. Средства на свое содержание он добывал тогда уже сам—репетиторством. Окончив в 1879 году гимназию, Чехов уехал в Москву к семье и поступил здесь на медицинский факультет.

Душевный облик Чехова-подростка и в годы ранней юности рисуется в рассказах его школьных товарищей в самых будничных, серых тонах. Веселый, но малоподвижный, слабовольный и немного застенчивый, он был чужд в детстве неудержимой резвости, а в юношеские годы—решительных устремлений и страстных идейных увлечений. Как рассказывал школьный товарищ его, небезызвестный толстовец Сергеенко, Чехов в гимназическую пору «не был ни резв, ни шумлив, ни прыток, ни задорлив... скорее он был всегда вял и сыроват: «Ну, что ж. Ну, и пусть!»—как бы говорило его полуулыбающееся круглое лицо». «При всем желании,—говорит Сергеенко,—я не могу припомнить ни одного яркого эпизода из ранней жизни Чехова, а отчетливо рисуется предо мной только белая маска лица с ухмыляющейся улыбкой... Он не был ни задирой, ни плаксой, ни тем, ни сем, что называется. И учился Чехов так себе, и держался он не то

чтобы сосредоточенно, «с печатью думы на челе», как полагалось бы будущей знаменитости, а скорее полувяло, полужастенчиво...» Другой школьный товарищ Чехова (д-р Шамкевич), вспоминая, как в последних классах Таганрогской гимназии тех лет одни гнались за развлечениями и удовольствиями, другие, собираясь в кружки, читали Писарева, Герцена, Бакунина, говорит: «Чехов не примыкал ни к тем, ни к другим. Ко всяким общественным течениям того времени он проявлял индифферентизм. У нас много спорили о политическом терроре, начавшемся тогда в России, делились на сторонников и противников. Чехов и в этом вопросе стоял в стороне, не одобряя и не порицая».

И студентом в Москве, в 1879—1884 годы, Чехов остается в стороне от большой дороги русской интеллигенции. Тяга к литературе, к театру, сказавшаяся в нем еще в гимназические годы (водевиль «Не даром курица пела» и журнал «Зайка»), здесь развернулась, и он с успехом печатается в разных юмористических изданиях, пытаясь также писать и для театра. Первый рассказ свой Чехов поместил еще первокурсником, в 1880 году, в журнале «Стрекоза», № 10 («Письмо помещика Степана Владимировича Никученому соседу, доктору Фридриху»). В 1880—1881 годах он пишет большую пьесу, оставшуюся в рукописи, и все годы студенчества ведет непрерывную литературную работу. С успехом пишет маленькие рассказы и фельетоны, которые под разными псевдонимами (Антоша Чехонте, Брат моего брата, Человек без селезенки и др.) печатались в юмористических журналах («Стрекоза», «Будильник», «Зритель» и др.). В 1882 году у Чехова завязались прочные и длительные связи с редактором-издателем журнала «Осколки», Н. А. Лейкиным. Эта работа Чехова в «Осколках» совершенно прекратилась лишь в начале 1890 года, и его обширная переписка с Лейкиным обнимает 80-е и 90-е годы. Через пятнадцать лет после их сближения А. П. писал Лейкину: «Осколки»—моя купель, и вы—мой крестный батюшка». В день смерти Чехова Лейкин записал в своем дневнике: «Как писателя Чехова—я открыл».

Литературная работа в годы студенчества была для Чехова источником добытия средств к жизни. Отец его, служа конторщиком на торговом складе купца Гаврилова, был стеснен в средствах, и А. П. работал для поддержания их большой семьи. Нужда давит его и теперь и в последующую жизнь, жалобы на безденежье—частый припев его писем.

II

В 1884 году Чехов, окончив медицинский факультет, прибил к дверям квартиры карточку с надписью «врач» и, не оставляя литературной работы, стал не без успеха заниматься медицинской практикой, получая из этого источника по тому времени достаточные для своей жизни средства. Летом того же года работал земским врачом в городе Воскресенске. Медициной занимался он без увлечения, хотя и интересовался ею, заставляя даже специальный труд—«Врачебное дело в России», не доведенный до конца. Вскоре писатель в нем окончательно поглотил врача, но и впоследствии, став большим писателем, Чехов всегда с признательностью относился к врачебной работе и ценил врача в себе как писателя. «Занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность,—писал он в 1899 году в автобиографической записке,—они значительно раздвинули область моих наблюдений... они имели направляющее значение; благодаря близости к медицине, мне удалось избежать многих ошибок...»

В год окончания университета Чехов выпустил свои ранние рассказы отдельным сборником («С к а з к и М е л ь п о м е н ь»), и дальше, усиленно работая, делает быстрые успехи. В 1885 году он, продолжая сотрудничество в «Осколках» и других юмористических журналах, напечатал ряд мелких рассказов в «Петербургской газете», написал пьесу («Н а б о л ь ш о й д о р о г е»), которая не была допущена цензурой к постановке. В следующем году (1886) вышел его сборник «П е с т р ы е р а с с к а з ы», и к этому году же относятся знакомство Чехова с А. С. Сувориным и начало сотрудничества в его политически беспринципной и угоднической газете «Новое время», где рассказы Чехова печатались

уже за полной подписью и где он, к удивлению писателей прогрессивной печати, ужился прочно и надолго, близко сойдясь с Сувориным. «Меня чуть ли не обливают презрением за сотрудничество в «Новом времени», — писал Чехов в феврале 1886 года. Но он, по собственному признанию, готов был печататься «хоть на подоконнике», лишь бы знать, что его читают. Особенно усиленное сотрудничество Чехова в суворинской газете падает на 1886—1887 годы и продолжается до 1893 года. Юного Чехова с Сувориным сосватал старик Д. В. Григорович, который тогда же написал А. П. прочувствованное письмо, горячо приветствуя его как «настоящий талант», как писателя, выдвигающегося «далеко из круга литераторов нового поколения».

Этим 1886 годом открывается как бы новый период в жизни и творчестве Чехова. Из мира юмористической журналистики, в которой замыкалась его работа начала 80-х годов, он вышел в большую прессу. За время с 1886 по 1889 год уже твердо определилось и упрочилось его положение как писателя, занявшего в литературе свое особое место. В этот период Чехов усиленно и сосредоточенно, хотя и неуверенно, застенчиво, а подчас и с шутливым смешком, работает над художественным совершенствованием и психологическим углублением бытовой новеллы. Литературный жанр этот развивался им как органическое продолжение его маленького юмористического рассказа. Чехов очень серьезно и даже ревниво относился к работе для «Нового времени». Одновременно круг знакомства расширяется, у него завязываются близкие связи и частая переписка с рядом писателей большой печати. Наряду с полным признанием его таланта все они призывают А. П. к работе над крупными вещами в толстых журналах. Эти призывы к творческому углублению Чехов слышит от Григоровича, поэта-ветерана Плещеева, В. Г. Короленки, Островского, брата драматурга, и от очень многих других лиц. В ответ на один из таких советов Чехов писал «...крупное напишу, но с условием, что вы найдете этому крупному месту среди избранной толстой журналистики... Надо полагать, после дебюта в «Новом времени» меня едва ли пустят во что-нибудь толстое...»

(28 февраля 1886 г.). Отшучиваясь, Чехов, однако, уже работал в этом направлении. В «Северном вестнике», журнале, где тогда пытались найти пристанище писатели разгромленных «Отечественных записок», Чехов напечатал в 1888 году большую повесть «Степь», затем «Огни», «Именины». Для сборника памяти Гаршина он написал «Припадок». В 1889 году в том же «Северном вестнике» появилась «Скучная история».

В этом же периоде Чехов возобновил свою работу для сцены. Уже в 1887 году он поставил в Москве, в театре Корша, своего «Иванова», но успеха не имел. В феврале 1889 года пьеса опять пошла в Александринском театре в Петербурге и на этот раз дала автору шумный успех. В осеннем сезоне 1888 года идет водевиль «Медведь». Тогда же Чехов написал пьесу «Леший», провалившуюся в конце декабря 1889 года в частном театре Абрамовой.

В эти годы появился ряд отдельных сборников рассказов Чехова. Вслед за «Пестрыми рассказами» вышли сборники: «В сумерках» (1887), «Невинные речи» (1887), «Рассказы» (1888), «Детвора» (1889), «Хмурые люди» (1890). К 1888—1889 годам относится попытка пристальной работы Чехова над большим романом, которая, однако, оборвалась в 1890 году перед поездкой Чехова на Сахалин.

В связи с усиленной литературной работой, которую Чехов вначале пытался сочетать с врачебной деятельностью, развилась страшная болезнь Чехова. Первое кровохарканье появилось у него в год окончания университета; весной 1886 года оно появилось вновь, в сильной форме, и уже определенно туберкулезного характера. Лето Чехов провел в деревне, у знакомых; весной 1887 года совершил поездку в Таганрог, в Святые горы; лето этого года и последующих двух провел также в деревне; летом 1888 года ездил в Крым и на Кавказ.

В эти годы литературная работа Чехова получила и официальное признание; в декабре 1888 года Академия наук присудила ему Пушкинскую премию.

Между тем в самой основе настроения Чехова как писателя и человека к началу 1890 года произошли существен-

ные изменения, о которых определительно говорит в своих воспоминаниях Короленко: «Всем стала ясна неожиданная перемена: человек, еще так недавно подходивший к жизни с радостным смехом и шуткой, беззаботно веселый и остроумный, при более пристальном взгляде в глубину жизни неожиданно почувствовал себя пессимистом». Смысл чеховского смеха углубился, и все решительнее из-под него уже проступала чеховская тоска.

Не легко дался Чехову его литературный путь от первого студенческого рассказа до «Скучной истории». Много труда и усилий потребовалось от застенчивого, скромного и мягкого Чехова, склонного как бы отшучиваться от решения больших задач и серьезных вопросов, для того чтобы преодолеть всю тяжесть неглубокого понимания критикой сущности его громадного дара художника, преодолеть влияние тех расслабляющих условий безвременья, среди которых он рос и развивался, и, наконец, собственную неосознанность им самим размеров и подлинности своего творческого гения. Правда, редакторы и критики не могли не почувствовать с первых же шагов талантливости молодого писателя его зоркой наблюдательности, силы изобразительности. Уже «Сказки Мельпомены» вызвали благоприятные отзывы критики, главным образом мелких изданий. «Пестрые рассказы» Чехова были встречены, как сборник уже известного писателя. Положительно оцениваются критикой уже многих больших журналов («Русская мысль», «Русское богатство» и др.) художественная форма рассказов, язык, наблюдательность, искристая свежесть смеха писателя; но большого, настоящего писателя признали в Чехове не критики, а его литературные друзья, беллетристы (Григорович, Короленко, Плещеев и др.). О «Пестрых рассказах» Скабичевский в «Северном вестнике» писал: «Вообще книга Чехова, как ни весело ее читать, представляет собой весьма печальное и трагическое зрелище самоубийства молодого таланта, который изводит себя медленною смертью газетного царства». Впоследствии Чехов жаловался Горькому: «Двадцать лет читаю критики на мои рассказы, а ни одного ценного указания не помню».

ни одного доброго слова не услышал. Только однажды Скабичевский произвел на меня впечатление, он написал, что «я умру в пьяном виде под забором». Занимавший в то время первенствующее место в литературной критике Михайловский писал о сборнике Чехова: Нет не «хмурых людей» надо было поставить в заголовке всего сборника, а вот разве «холодную кровь». Чехов с холодной кровью пописывает, а читатель с холодной кровью почитывает. Так я думал, пока не дошел до «Скучной истории». Она, по признанию критика, «лучшее и значительнейшее из всего, что до сих пор написал Чехов» («Русские ведомости», 1890 г., № 104). И далее поясняет, что «оттого так хорош и жизненен этот рассказ, что в него вложена авторская боль»—боль тоски по отсутствующей у автора «общей идее». Как художнику, Чехову нечего было взять от его критиков. В упорной его работе над техникой художественного письма, в изучении чужого творчества и осознании своего—критика ничем не помогла ему. А силы веры в какое-либо идейно-общественное знамя, горячности энтузиазма Чехов действительно не чувствовал в себе, в чем откровенно и даже с некоторым задором скромности признавался. «Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист, я хотел бы быть свободным художником и только»,—писал он Плещееву. И ему же: «Революции в России никогда не будет» (1888 г.). Безверье Чехова было в эти годы господствующим его душевным настроением, обращенным им как бы в веру. Это роднило Чехова с хмурыми людьми сумеречной эпохи.

III

Поездка на Сахалин в 1890 году как бы отделяет собой жизнь и творчество Чехова 80-х годов, к концу которых его положение в литературе было совершенно упрочено, от последующего периода, с начала 90-х годов по 1898, когда резкое ухудшение в состоянии здоровья вынудило Чехова переселиться на юг. Поездка на Сахалин вместе с подготовкой взяла у него весь 1890 год. Проезжав туда через Сибирь (от Тюмени на лошадах, так как Сибирская железная дорога тогда не была закончена), он вер-

нулся пароходом через Индию и Суэцкий канал, побывав на Цейлоне. Результатом этой поездки явились очерки «Остров Сахалин» (1893). Возвратившись, Чехов предпринял весной 1891 года первую поездку за границу, в Европу (Австрия, Италия, Франция). Впечатления голода в деревне 1891—1892 годов вовлекли его в общественную работу. Он участвует в сборе пожертвований, в издании сборника в пользу голодающих, едет «по голодным делам» в Нижегородскую губернию. Летом 1892 года работает как врач по борьбе с холерой, заведая участком. В том же году Чехов купил усадьбу «Мелихово», недалеко от Москвы, в Серпуховском уезде, сделавшись на время «помещиком». В письмах, подшучивая над собой, называет себя «лордом». «Отношения с крестьянами наладились,—писал он в одном письме,—и, повидимому, они сумели оценить гуманного и корректного соседа. С мужиками я живу мирно; у меня ничего не крадут, а старухи, когда я прохожу по деревне, улыбаются или крестятся. Я всем кроме детей говорю «вы», никогда не кричу, но главное, что устроило наши отношения, это медицина». Здесь Чехов занимался культурно-общественной работой по постройке школ, проведению шоссе и пр. «В беллетристическом отношении,—писал Чехов,—после «Мужиков» Мелихово уже истощилось и потеряло для меня цену». Здесь он провел 1894—1897 годы, с частыми, однако, отлучками. Весной 1894 года поездка в Крым, осенью опять в Европу, в 1895—1896 годах дважды посетил Л. Толстого в Ясной Поляне, побывал опять на Кавказе и в Крыму, а осень и зиму 1897—1898 года, в связи с ухудшением здоровья и пребыванием в марте 1897 года в клинике Остроухова, провел за границей.

Раздвинувшиеся жизненные рамки, поездки, новые знакомства и встречи, деревня и большая литература, в которую теперь Чехов вжился,—все это в высшей степени благоприятно сказалось на его творческой работе. Творчество Чехова за этот период широко развернулось в разнообразии, богатстве и силе своей тематики и еще более углубилось в своеобразии основной чеховской темы, тонкой психологической разработке затяжной драмы интеллигент-

ции эпохи безвременья с ее безволием, бессилием, нудностью и никчемностью. Вместе раздвигается и круг наблюдений писателя; творчество Чехова социально насыщается, отображая в сложных художественных узорах будничной жизни серых людей глубокий процесс изменений общественных отношений, нараставших в городе и деревне с развитием капитализма. Характерно, что увеличились самые размеры рассказов и повестей, стали преобладать более крупные полотна, поэтические же миниатюры его достигли в этом периоде высокого совершенства. Изящество формы тонкого художественного импрессионизма Чехова получило к концу этого периода свое высшее выражение. Из крупных вещей за эти годы были напечатаны: «Дуэль» (1891), «Жена», «Палата № 6» (1892), «Рассказ неизвестного человека» (1893), «Черный монах», «Бабье царство» (1894), «Три года» (1895), «Моя жизнь», «Мужики» (1896); из менее размерных вещей—«Бобы» (1891), «Попрыгунья» (1892), «Учитель словесности» (1894), «Убийство», «Ариадна» (1895) и другие, а также ряд небольших новелл: «В ссылке», «Соседи», «Страх» (1892), «Володя большой и Володя маленький» (1893), «Скрипка Ротшильда», «Студент», «В усадьбе» (1894), «Дом с мезонином» (1896), «На подводе», «Печенег», «В родном углу» (1897) и многие другие.

Завершением работы Чехова этих лет явились небольшие, но в высокой степени выдержанные в своем рисунке, эстетически экономные и социально-психологически ёмкие новеллы 1898 года: трилогия—«Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви», затем «Ионыч», и наконец «Случай из практики».

Вместе с уточнением и совершенствованием повести и новеллы Чехов продолжал работу для театра, несмотря на неудачи и огорчения, постигшие его в этой области. В 1895 году он работал над «Чайкой», постановка которой 17 октября 1896 года на сцене Александринского театра в Петербурге принесла автору тяжелое разочарование. «Вижу,—вспоминал впоследствии ре-

жиссер театра,—бледное лицо А. П. Чехова с растерянной, застывшей улыбкой, слышу тусклый, хриплый голос, которым он произнес: «Автор провалился». На другой день после спектакля Чехов, по его выражению, «вылетел бомбой из Петербурга». Наутро он писал Суворину: «Вчерашнего вечера я никогда не забуду. Никогда не буду ни писать пьес, ни ставить». Однако с помощью Московского Художественного театра и всего лишь через два года дело повернулось иначе. Поставленная в декабре 1898 года на сцене этого театра, «Чайка» имела совершенно исключительный успех. Чехов просто очаровывал теперь зрительный зал постановками «Чайки», а за нею и других своих специфических пьес, насквозь пронизанных тонкой лирикой большой зовущей тоски, направленной против мещанского царства пошлых будней, с их удушьем и мглой обыденщины. Постановки чеховских пьес в Художественном театре имели значение события в довольно тихой в то время культурной жизни Москвы. Многолетняя работа Чехова над театром наконец увенчалась полным и широким признанием, выявив в Чехове творца своеобразной драмы будней в жизни интеллигенции эпохи безвременья. Чеховский театр—прямое порождение того же художественного импрессионизма, которым Чехов выделялся как мастер беллетристических миниатюр. В 1897 году впервые появился в печати и «Дядя Ваня» в сборнике пьес.

За этот период изменилась и общественная ориентация Чехова, он постепенно отходил от «Нового времени». В январе 1893 года он еще печатал здесь анонимные статьи, но уже в 1892 году получил предложение сотрудничества от редактора-издателя старого либерального журнала «Русская мысль», где в № 11 появилась «Палата № 6». Когда-то раньше (1888 г.) Чехов писал Суворину, что в «Русской мысли» сидят не литераторы, а «копченые сиги», теперь он стал сотрудничать здесь, а позже (1903 г.) принял даже редакторство литературного отдела. С 1893 года началось сотрудничество Чехова в «Русских ведомостях». Коротко сошелся Чехов с руководителем «Русской мысли» В. А. Гольцевым и рядом других писателей либерального лагеря. Напро

тив, от Суворина, с которым Чехова связывали давнишние отношения, он постепенно отошел. Громкое дело Дрейфуса в 1898 году во Франции послужило поводом окончательного охлаждения Чехова к Суворину. Восторгаясь Золя как защитником Дрейфуса, Чехов не мог уже снести открытой в «Новом времени» травли и антиеврейской кампании. Его наконец стошнило. «В деле Золя, — писал Чехов брату, — «Новое время» вело себя просто гнусно. По сему поводу мы с старцем [так называет Чехов Суворина] обменялись письмами (впрочем, в тоне весьма умеренном) и замолчали оба».

Независимый в жизни, как и в творческой работе, от чьих-либо определенных влияний и авторитетов, Чехов одно время испытывал некоторое воздействие толстовства, результатом чего явилась его повесть «Жена» (1892). Однако он скоро освободился от этого. «Толстовская мораль перестает меня трогать... Теперь во мне что-то протестует; расчетливость и справедливость говорят мне, что в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и воздержании от мяса» (Суворину, 1894 г.). Повесть «Моя жизнь» (1896) явилась творческим результатом ликвидации этих влияний. С Л. Толстым, однако, у Чехова установились самые теплые отношения, и Л. Н. исключительно любил и ценил его.

IV

В последний период своей жизни, с 1898 года, Чехов вынужден был много уделять внимания своему здоровью. Чахотка развивалась быстро. Постоянное место жительства теперь Крым, где, продав свое Мелихово, Чехов купил под Ялтой участок и выстроил дачу. Но его постоянно тянет «в Москву, в Москву», где осталось все милое его сердцу и поездки куда уже затруднены состоянием его здоровья. Развитие болезни заставило его осенью 1900 года предпринять поездку в Италию. В следующем, 1901 году, Чехов женился на артистке Художественного театра О. Л. Книппер. Лето он провел на кумысе в Уфимской губернии, осенью — опять в Крыму. Состояние здоровья, однако, все ухудшалось. Несмотря на это, Чехов много работает. Продажа А. Ф.

Марксу собрания своих сочинений потребовала кропотливой работы по их подбору и редактированию в течение 1899—1901 годов. В последние годы жизни (1899—1904) Чехов отдает свои силы главным образом театру. На сцене Московского Художественного театра, ставшего тогда по преимуществу театром Чехова, он ставит осенью 1899 года «Дядю Ваню»; в следующем году пишет «Три сестры», которые в начале 1901 года появляются в печати и на сцене того же театра. Первый спектакль «Вишневого сада», 17 (29) января 1904 года прошел, в присутствии Чехова, с громадным успехом. Его чествуют в театре по случаю двадцатипятилетия литературной деятельности.

За эти пять с половиной последних лет Чеховым написано всего лишь семь небольших, но замечательных по силе художественности рассказов и одна повесть из народной жизни: в 1899 году — «Новая дача», «Душечка», «По делам службы» и «Дамы с собачкой»; в 1900 году — повесть «В овраге», которая была напечатана в марксистском журнале «Жизнь», и маленький рассказ «Насвятках», по просьбе редактора «Петербургской газеты», в которой Чехов печатался в 80-х годах; в 1902 году — «Архиерей», и в 1903 году — «Невеста». С начала 1904 года состояние здоровья писателя стало катастрофическим. 3 июня (старого стиля) этого года его увезли для лечения на курорт Баденвейлер в Германию, а 2 июля он скончался.

В творчестве Чехова последних лет читатели и критика с признательностью улавливали новые, повышенные нотки нарастающих бодрых настроений, аккомпанирующих шумному подъему общественных волн начала 900-х годов. В последних произведениях Чехова стали появляться блики новых людей; в пьесе «Вишневый сад» (Аня) и в рассказе «Невеста» (Надя).

В этом периоде жизни Чехова еще увеличился круг его друзей и читателей. У него, всегда чуткого и внимательного к талантам других, завязались связи с более молодыми беллетристами. Еще с 1898 года началось знакомство Чехова с Горьким, которого

он очень ценил и любил. Когда летом 1901 года Чехов жил в Гаспре, близ Ялты, его часто навещали разные писатели: и Л. Толстой, и М. Горький, Бунин, Куприн и многие другие. Еще раз Чехов получил официальное признание своих литературных заслуг. В январе 1900 года состоялось избрание его почетным членом Академии наук по Разряду изящной словесности. Однако в 1902 году, после исключения Горького из состава академиков, и Чехов, вслед за Короленко, сложил с себя это звание. Тонус общественного настроения Чехова в эти годы заметно поднялся. Д-р Елпатьевский вспоминал, что «новое настроение ярко и определенно сгустилось весной 1904 года», когда при встречах Чехов «расспрашивал не о литераторах и свежих литературных новостях, которыми всегда преимущественно интересовался», а уже «о том, ... какое настроение в передовых общественных кругах Москвы и Петербурга, когда и как ждут падения старого строя». Конечно, социально-политические взгляды Чехова, и под конец его жизни не будучи определенными, не пошли дальше общего демократизма. Но

позиция Чехова-художника неизмеримо глубже и действеннее в своей общественно-исторической значимости позиции Чехова-общественника. В изяществе поэтических узоров чеховского творчества росла большая динамическая сила. Помимо воли, силою самого художественного гения, Чеховым глубоко вскрыто психологическое содержание процесса развития общественных отношений в России в эпоху ускоренного развития в ней капитализма. Если эти видения подлинной действительности получили разрешение у художника лишь в глубокой чеховской тоске, а у Чехова-общественника—в буржуазном демократизме, то на зоркого читателя уже той предрассветной эпохи, в которую жил и томился Чехов, они оказывали совсем иное действие. Нам же досталось самое ценное в нем: богатейшее литературное наследство, гениально-артистическое письмо и тонкий образ самой личности Чехова, как некое прекрасное художественное произведение той некрасивой и ужасной действительности, которая породила его как свое отрицание.

А. С. Глинка-Волжский